

О женищинах позапрошлого века писать трудно. Они не служили, не воевали, не учились, не участвовали в выборах и этих «не» в их жизни было гораздо больше, чем у мужчин. Современному исследователю, опирающемуся в своих поисках на архивные документы, газеты, воспоминания, часто открываются лишь сухие факты их биографии. Как ни парадоксально, но скучная добродетель не замечалась современниками и поэтому не оставила сколь-нибудь заметного следа. Лишь яркое, неординарное остается как в памяти, так и на бумаге. Хотя многое не дошло до нашего времени, иногда осколки событий складываются хотя бы в какое-то подобие целого.

Маню не коснулись пороки предков

...В Симбирском обществе их называли «фрусалочки»... Смешливые, легкомысленные, кокетливые, любящие балы, увеселения и прогулки, они – Катенька Ахматова, Пашенька Кроткова и Манечка Поливанова – на изломе XIX века привлекали к себе все взгляды и внимание.

Особенно выделялась Маня Поливанова (урожденная Языкова). Она была знаменита не только своим родством с поэтом Н. Языковым, но и браком с известным любителем старины, коллекционером, ботаником, основателем Симбирской губернской ученой архивной комиссии, губернским предводителем дворянства Владимиром Николаевичем Поливановым.

Ее портрет, еще в детстве, я увидел в художественном музее и помню, как тогда, по-девчоночьи, восхищалась – вот бы мне вырасти такой же красивой!

Думала ли я, что судьба сведет меня в дальнейшем с Марией Николаевной, а изучение истории рода Языковых станет моей работой и увлечением.

Манечка Языкова была дочерью родного племянника поэта Н. Языкова – Николая Александровича и Анны Петровны Родионовой. Это был брак по любви. Оба супруга были очень красивы. К счастью, время сохранило их изображения, и мы можем по достоинству оценить несколько восточную красоту Н.А. Языкова и тонкие, благородные черты его жены.

Таковыми же красивыми родились и их дети: дочь Мария и сыновья Николай и Юрий. К концу XIX века близкородственные браки, заключавшиеся на протяжении нескольких веков, стали давать свои «плоды». Неуравновешенность приобрела болезнен-

Мария Николаевна
Языкова-Поливанова

ный характер, и этим пороком страдало большое количество дворянских семей.

Это коснулось и семьи Языковых, в частности, сыновей Николая Александровича. «С детства Юрий и Николай враждовали, завидовали друг другу, и вражда эта, можно сказать, росла вместе с ними», – отмечал в своих воспоминаниях их родной дядя А.П. Родионов. Один из братьев, Николай, будучи уже взрослым, лечился в сумасшедшем (так тогда говорили) доме и ненавидел брата, характер же Юрия вызывал, мягко говоря, неудобства в обществе и семье.

Одну Маню не коснулись пороки предков. А.П. Родионов пишет о ней в своем дневнике: «Вот человек, которого я (с детства ее) не видел ни грустной, ни озабоченной, ни сердитой. Постоянно она была весела. Если ее... и можно упрекнуть другой раз

за легкомыслие и страсть к веселости, – то нельзя, любя ее красивым личиком, не симпатизировать ее милостивому характеру».

В 1878 году в возрасте 38 лет скоропостижно «от прилива крови к мозгам», как было написано в свидетельстве, скончалась Анна Петровна.

Мане было тогда 16 лет, братьям меньше. Опекуном малолетних детей был назначен их отец, но истинным воспитателем стала их тетка Варвара Егоровна Родионова.

Эта женщина заслуживает отдельной статьи, так как ее роль на сцене симбирского общества была одной из главных.

Скажем лишь немного. Она происходила из рода Гаршиных и была родной теткой писателя В. Гаршина.

Как и многие представители этой фамилии Варвара Егоровна была натурой страстной и увлекающейся. Основным же ее как недостатком, так и достоинством была излишняя горячность. Может быть, это не так мешало в общении со взрослыми людьми, но для воспитания детей такой характер вряд ли был находкой.

Варвара Егоровна была бездетна, и племянники стали для нее смыслом жизни, божеством, ежедневной радостью и мукой. И было в процессе воспитания немало наломано дров. Особенно Варвара Егоровна любила Юрия и Маню.

«Видно, насколько Варвара Егоровна любит и предана своим воспитанникам. Юрия с детства обожала и поэтому баловала и портила постоянно. В Мане она развила кокетство и любовь к удовольствиям... Маня и вышла беспечная любительница всяких удовольствий» – это свидетельства А.П. Родионова.

Варвара Егоровна сразу занялась

устройством судьбы своих племянников. Для Мани она быстро подыскала жениха – 32-летнего владельца Акшутских земель, выпускника Казанского университета – В.Н. Поливанова. Он отвечал всем требованиям свахи: богат, знатен, родовит.

Среди Языковых и Родионовых считалось, что «Маня любить Поливанова не могла». Это мнение можно лишь принять к сведению, так как никогда и нигде Мария Николаевна не говорила, что она несчастлива в браке. Просто в год своего замужества (1880) ей было только 17 лет.

Карьера и хозяйственная деятельность Владимира Николаевича сложились очень удачно и об этом много написано в нашем краеведении. К концу XIX века он становится одним из уважаемых и заметных людей Симбирской губернии как по должности, так и по своей деятельности.

Маня была счастлива. Она всегда на виду: и как председатель многих Благотворительных обществ, и как хозяйка «русской Ривьеры» (Акшутата), и как супруга губернского предводителя дворянства, имеющего вес при Дворе. К тому же она стала матерью троих детей, которых баловали так же, как когда-то баловали ее. Все у Поливанова было самое лучшее: дом, парк, коллекция древностей, домашний любительский театр, влиятельные друзья, оранжереи, фабрика и прочее и прочее

Чтобы хоть немного представить читателю Акшутскую усадьбу, позволю себе процитировать отрывок из статьи Н. Яценко «В гостях у Поливанова», где рассказывается о посещении в 1908 году имения нашим земляком, известным художником Д. Архангельским.

«Старинный особняк с колоннами располагался в центре тенистого парка с множеством цветников и прудов. Липовые аллеи веером расходились от дома и приводили к укромным уголкам – к беседкам, увитым плющом и скамеечкам с розовыми кустами. Здесь все было овеяно таинственностью и поэзией... Царила полная гармония в обстановке: все излучало изящество, комфорт, таинственный уют.

...В доме, кроме прислуги, в эти дни жили только сам Владимир Николаевич и его жена – молодая, красивая и хорошо воспитанная женщина. Она считала своим долгом вежливости ежедневно уделять внимание художнику. Будучи прекрасно образованной, побывав во многих стра-

нах, она умела вести светские беседы, но Дмитрию Ивановичу было чрезвычайно неловко, стеснительно находиться в столь непривычном для него обществе...».

А общество у Поливановых собиралось самое изысканное. Особенно торжественно и шумно праздновался 15 июля день рождения хозяина, где все было расписано по минутам: молитва в большой Акшутатской церкви, поздравление гостей и крестьян, утренний кофе с традиционным кренделем, осмотр музея, где хозяин сам давал пояснения, прогулка по парку, перемена туалетов, праздничный обед в залитой огнями зале, а вечером любительский спектакль и танцы.

Казалось, весь мир лежал у ног Марии Николаевны. Но... чего-то в этой жизни ей не хватало. Все чаще ее беззаботный смех напоминал рыдания. Доктора поставили диагноз – нервное истощение. Покой, капли, прогулки, никаких резких движений. Один из таких срывов вылечила коронация Николая II, на которой, как камергер Двора Его Императорского Величества, должен был присутствовать В.Н. Поливанов с супругой.

Мария Николаевна очаровала Двор и московское общество. Ее, как никого, бесконечно «фотировали» (фотографировали), и она вернулась в Симбирск здоровой.

Шли годы... Выросли дети: дочь Милуша вышла замуж, выучились сыновья. Веселая, беззаботная хохотушка Маня Поливанова превратилась в сдержанную серьезную светскую даму.

В 1915 году скончался Владимир Николаевич. И вот уже протоптана дорожка на симбирское Покровское кладбище. Потом первая мировая война и бесконечная тревога – сын Александр служил в действующей армии.

Мария Николаевна переезжает жить в Петербург и лишь летом приезжает отдыхать в Симбирскую губернию, но почему-то не в Акшутат, а в имение княгини Ухтомской.

В семье царит культ отца... Сын Николай сам составляет описание кончины Владимира Николаевича «со всеми воспоминаниями этого скорбного дня», а прекрасная панягия («папенькино благословение») всегда при нем.

К сожалению, все это, в числе других вещей, было украдено у Николая Владимировича, когда он ехал в поезде. В письме к матери он горько жалуется на эту потерю, а она в ответ утешает его.

Одно из последних писем детей в С.-Петербург датировано концом октября 1917 года. До них еще не дошли вести о событиях 25 октября, и поэтому письма полны надеждой на мирную жизнь, встречу с родными и счастливое будущее.

Все это осуществилось за границей, в эмиграции, куда Мария Николаевна, к сожалению, не доехала. Она умерла по дороге в Харбин.

44-45 – это был номер ее телефона в Петербурге, но после революции некуда и некому было уже позвонить.

Лариса Ершова

Акшутский парк,
фото Л. Хлебниковой